УРОВНИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ НОМИНАЦИИ

В процессе усвоения языка каждый отдельный человек, а значит, и весь языковой коллектив в целом, реализуют принцип избирательности не только в плане содержания, то есть выявления и «присоединения» нужных значений, но и в плане формы, то есть определения подходящих для конкретной речевой деятельности моделей (словообразовательных, морфологических, синтаксических, стилистических). Поскольку этот процесс является обязательным и непрерывным не только в синхронном плане, но и в диахроническом, то есть характерен для всех поколений данного языкового коллектива, именно он определяет особенности развития того или иного языка.

В итоге получается, что на каждом этапе своего развития язык как общественно-историческое явление — это представление в качестве нормативной категории суммарной речевой деятельности предыдущего поколения, которое в свою очередь усваивало, обогащало, изменяло некоторые нормативные категории предыдущего поколения. Появление новаций, то есть новых форм и закономерностей, при рассмотрении одного и того же языка возможно на любом уровне (семантическом, фонетическом, морфологическом, словообразовательном и т.д.).

Все подобные изменения с первого взгляда кажутся некими отдельными фактами, требующими специального рассмотрения на определенном лингвистическом уровне, но даже при исследовании одного языка (не говоря уже о сопоставлении) становится очевидным тот факт, что разные уровни языковой формы, как и элементы любой системы, тесно взаимосвязаны. Нет и не может быть характеристик чисто фонетических или, скажем, морфологических. Просто от типа языка, цели исследования и других факторов зависит расстановка акцентов и приоритеты теоретических взглядов исследователей по отношению к исследуемому материалу.

В конце концов все языковые изменения можно свести к двум типам — структурным и функциональным, понимая под первыми «внутриязыковые», а под вторыми — «внешнеязыковые» (см. Джаукян Г. 1978). Эти «внешнеязыковые», функциональные изменения можно представить как изменение реалий, окружающих человека, или, по

крайней мере, изменение представления о реалиях, связанное с процессом познания, восприятия, и соответствующая каждому шагу этого процесса потребность в номинации, назывании новых реалий окружающего мира.

В этом смысле каждое новое слово — это свернутое словосочетание, то есть представление первичного наименования в расчлененном, уточненном, конкретизированном виде и противопоставленное какому-то другому понятию. Так, слово *домик* — «*маленький дом*» противопоставлено с одной стороны первичному понятию *дом*, а с другой стороны — также вторичному, но противоположному по смыслу *домище* — «*большой дом*».

Очень образно в этой связи звучит характеристика Потевни, который считает, что «то, что по отношению к данному слову есть этимология, то по отношению к предшествующему — синтаксис» (Потевня А.А., 1958, с.47). С другой стороны, если синтаксис, как и семантика, представляется универсальной, общей для языков категорией, то это положение должно быть верно и для любого фрагмента синтаксической конструкции, в том числе и для словосочетания. То есть появление того или иного типа словосочетания должно быть общим, универсальным для всех, по крайней мере, многих языков, находящихся примерно на одной стадии развития, а способы их морфологического и словообразовательного оформления можно охарактеризовать как национально-специфические и исторически изменчивые типы связи семантики и синтаксиса в разных языках, то есть, по словам Ю. Степанова, как «технику языковой системы» (Степанов Ю.С., 1981, с.6).

Конкретные свойства характеризуемых предметов, выступающие на первый план в процессе познания, выводят те или иные наименования атрибутов на более значимую позицию, по сравнению с прежним номинативным уровнем. Ведь именно атрибут становится тем семантически (семиотически) значимым компонентом, который отличает данную реалию от предыдущей в логическом плане и в соответствующем ему лингвистическом выражении на уровне лексических, словообразовательных, синтаксических отношений.

Любое сочетание слов представляет собой, как в свое время очень точно заметил Л.В.Щерба, не сумму смыслов, а новый смысл. Таковым, в частности, является любое атрибутивное словосочетание, в котором в качестве компонента появляется «неотъемлемое» свойство предмета, то есть атрибут. Степень слияния компонентов такого словосочетания

зависит от смысловой направленности нового образования (наименование, оценочно-характеризующее словосочетание, индивидуально, ситуативно созданное единство и т.д.).

Если ключевое слово, характеризующее тем или иным атрибутом, все-таки сохраняет свою однозначность и самостоятельно продолжает как языковой знак представлять соответствующую реалию, то и слово, обозначающее атрибутивный признак, тоже сохраняет свою прежнюю самостоятельность и объединяется с ключевым словом только для характеристики ситуативно представленного признака. Так, скажем, слово *стол* входит, сохраняя свое самостоятельное значение, в свободный ряд типа *маленький стол, большой стол, деревянный стол, старый стол, круглый стол и т.д.*, где и атрибуты сохраняют свое самостоятельное значение.

Если же семантически ключевое слово не выполняет в сочетании с другими языковыми знаками самостоятельной знаковой функции, то есть один языковой знак перестает соответствовать одной реалии без связанного с ним компонента словосочетания, то оба компонента образуют единый по своей сути знак, расчлененный, но все же соответствующий одному предмету. Таковы, например, словосочетания *письменный стол, журнальный стол, обеденный стол, туалетный стол (столик)* и т.д., каждое из которых обозначает определенный тип предмета, а не охарактеризованный определенным образом предмет. При этом значения слов, образующих основу атрибутов-признаков, зачастую затемнены, то есть не соответствуют своему первичному значению, а реализуются только в определенном сочетании и выполняют функцию части словесного знака, обозначающего определенный предмет. Так, на *журнальном столике* может не быть ни одного *журнала* (это только название определенного вида столика), *писать* можно за любым столом, для этого не нужен именно *письменный стол* и т.д.

Наименование *сухой спирт* абсолютно не соотносится с семантикой компонентов этого словосочетания, не входит ни в какие соответствующие оппозиции (*сухой спирт — мокрый спирт, сухой спирт — сухое вино* и т.д.). И если в потоке речи теряется слово *сухой*, никто уже не предполагает на месте реалии *сухой спирт* другую реалию *спирт*, а вполне определенный предмет, который обладает определенными свойствами, необходимыми в данной ситуации. Компоненты таких словосочетаний по своей функции максимально приближаются к морфемам, то есть, обозначая некоторый атрибут ключевого слова, они становятся

лишь частью словесного знака, соответствующего одному элементу действительности. Ср.: *стол*, *застолье*, *столешница*, *престол* и т.д.

Место подобных словесных знаков в структуре языка очень образно охарактеризовала Телия, по словам которой, они служат «семантико-синтаксическим посредником между словесными знаками, автономно обозначающими мир в его таксономическом расчленении на элементы, и речевыми единицами... и становятся той «экологической нишей», где расшатываются первичные формы и функции лексических единиц и синтаксических конструкций и вызревают новые их тождества и различия» (Телия В.Н., с.76).

Абсолютное большинство вторичных номинативных знаков — это атрибутивные словосочетания с прилагательными в роли зависимых компонентов. Это и понятно. Ведь именно такие словосочетания называют элементы действительности с точки зрения их дробного, родо-видового отображения, вычленения сознанием в потоке информации именно тех признаков, которые с точки зрения сходства/различия являются «неотъемлемыми».

Известно также, что как раз с функциональной точки зрения богатая флективная система русского языка является в значительной степени избыточной. В частности, грамматические формы прилагательного (род, число, падеж) не выражают никаких дополнительных значений, а лишь указывают на синтаксическую связь определяемого и определяющего в предложении, а точнее — в словосочетании. И с логической точки зрения естественнее было бы выражать чисто синтаксические отношения средствами самого синтаксиса, либо найти другой, более простой, способ передачи тех же значений и отношений.

Кроме того, для атрибутивных словосочетаний характерно постоянное, четко фиксированное, контактное положение прилагательного по отношению к определяемому существительному. А такое положение уже само по себе делает излишним непереносимое наличие собственных морфологических показателей у слов, выступающих в функции атрибута, и не случайно, что принцип экономии языковых средств находит максимальное выражение в сфере атрибутивных словосочетаний. Именно в этой сфере наблюдается наибольшее число вариантов (моделей) свертывания синтагм, образования языковых единиц нового с точки зрения существующей системы формальных показателей типа, то есть происходит, говоря словами Телия В.Н., процесс расшатывания первичных форм и функций лексических единиц. Очень интенсивно,

активно образуются новые номинативные единицы — однословные синонимы соответствующих расчлененных наименований. Таким образом, пусть не полностью, пусть частично, но восстанавливается баланс между таксономическим расчленением мира на элементы и языковыми единицами, их называющими.

Эта тенденция получает различное материальное выражение в современном русском языке в зависимости от того, какова важность, значимость с семантической точки зрения смысла входящих в расчлененное наименование прилагательных, каковы стилистические сферы возникновения и применения полученных новообразований и других причин. Следовательно, она реализуется в пределах различных способов словообразования: субстантивация (*запятая, столовая, будущее, вселенная, молодые* и т.д.), суффиксация (*подсобник, зачетка, передовица, моторка* и т.д.), аббревиация (*биофак, сбербанк, зарплата, вуз, НАТО, СНГ, ЕГУ, МИД* и т. д.).

Наибольшее выражение принцип экономии языковых средств получил в сфере образования слов-названий способом аббревиации, то есть усечения языковых единиц, входящих в синонимичное атрибутивное словосочетание. В наше время аббревиатурные усечения появляются, практически, одновременно с полными, расчлененными наименованиями, являющимися названиями новых реалий, познание или создание которых неизбежно порождает потребность в их назывании.

Если разобраться подробнее и попытаться определить, в какой именно области в наше время могут появляться подобные новые реалии и, соответственно, их наименования, то ответ может быть вполне определенным. В так называемых традиционных, «старых» науках (география, ботаника, зоология, математика и т.д.), где уже давно названы существующие виды, роды, типы и т.д., такие наименования могут быть единичными. В быту, с появлением новых предметов, они, безусловно, могут возникнуть, но тоже, очевидно, будут единичны или, по крайней мере, немногочисленны. Только те области познания, которые сообразно требованиям времени постоянно развиваются и меняются (экономика, кибернетика, отдельные области физики, химии и т.д.), испытывают необходимость в номинации познанных, созданных, синтезированных реалий.

Так образуются номинативные единицы третьего уровня, которые заменяют словосочетания, состоящие из двух-шести компонентов. Если компонентов мало (2-3), то принцип аббревиации решает проблему

многозначности и/или повторяемости того или иного расчлененного наименования. Если компонентов больше, то их сжатие является не только реализацией принципа экономии языковых средств, но и просто необходимостью, единственным способом создания номинативной единицы, способной восприниматься сознанием как наименование одного предмета, одной реалии, опять же являющейся родо-видовым компонентом цепочки, первым звеном которой является одно слово, соответствующее одному предмету (реалии, свойству и т.д.). Так, базисное наименование *институт* по родо-видовым характеристикам входит в наименования вторичного уровня *научно-исследовательский институт* и «учебный» *институт*, где слово «учебный» является условным и соответствует любому атрибуту, обозначающему область знания, как правило, в форме прилагательного (*строительный институт, медицинский институт* и т.д.). При этом наименование *научно-исследовательский институт*, состоящее, практически, из трех слов и часто повторяющееся, уже само по себе сворачивается в аббревиатуру *НИИ*, а словосочетания второго типа не всегда, но часто — в аббревиатуры другого типа *мединститут, физкультуринститут* и т.д.

Далее появляются наименования третьего уровня, построенные таким же способом (атрибутивная связь компонентов, адъективно-присубстантивные, генетивно-приименные словосочетания или связанные тем же способом группы слов или их части). Таковы аббревиатуры *НИИКБ, АНИИС, АрмНИИбытхим, Арм НИИцветмет* и т.д. Такова же цепочка, связанная, скажем, с первичным наименованием *банк*, которое входит в качестве составной части в наименования *ЦБ (Центральный банк), Банк развития (банк развития), сбербанк (Сберегательный банк)*, а далее — *ЦБ РА, ГЦБ, ВЦБ, ВТБР, Армсбербанк* и т.д. Большинство подобных наименований понятно только соответствующим специалистам, как, впрочем, и отдельные слова-термины, появляющиеся в ходе развития определенной области знания (*маркетинг, лизинг, холдинг* и т.д.).

Процесс сворачивания словосочетаний в аббревиатуры не останавливает даже тот факт, что некоторые аббревиатуры совпадают по форме, а распознать их можно только по контексту. Так, аббревиатура *ЦБ* может означать и центральный банк, и ценная бумага, и центральная больница. Появляются аббревиатуры-омонимы. Многие аббревиатуры также становятся словообразовательными основами, от которых по нормам русского языка образуются новые слова (*мидовец, мидовский,*

гаишник, сбербанковский и т.д.), то есть «поведение» аббревиатур в системе языка со временем полностью уподобляется «поведению» слов.

О том, что аббревиация — это новый уровень номинационной деятельности человека, связанный с углублением процесса познания, свидетельствует тот факт, что она характерна для языков разного типа, то есть языков, для которых при образовании наименований второго уровня свойственен (или в большей степени характерен) творческий процесс разного типа — от соединения морфем до объединения слов в одну номинативную единицу. Новый уровень номинации — это лишь показ технического арсенала данного языка, зависящего, кстати, от менталитета, мыслительных потенциалов данного языкового коллектива, который всегда идет от «функциональных потребностей к формальным средствам, с помощью которых они удовлетворяются» (Матезиус В., 1969, с.229).

Это значит, что аббревиация как способ словообразования новых наименований — это не только потребность определенного языкового коллектива, но и человечества в целом, стремящегося углубить и расширить свои знания об окружающей действительности, основах и закономерностях мироздания. Без этого невозможны познание, прогресс, ощущение каждым человеком себя хозяином природы, мира, а скорее — самого себя.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М., «Наука», 1988.
2. Гольдберг В.Б. Контрастивный анализ лексико-семантических групп. Тамбов, 1988.
3. Джаукян Г. Общее и армянское языкознание. Ереван, 1978.
4. Зубкова Л.П. Общая теория языка в развитии. М., РУДН, 2002.
5. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., МГУ, 1998.
6. Матезиус В. О системном грамматическом анализе//Пражский лингвистический кружок. М., 1969.
7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958.
8. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. М., Наука, 1981.
9. Телия В.Н. Типы языковых значений. М., Наука, 1981.